

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.24>

UDC 321.01(049.32)
LBC 66.02я1

Submitted: 21.09.2020
Accepted: 14.10.2020

**REVIEW OF THE BOOK: EMELYANOV, M. V. TECTONICS OF POWER
/ M. V. EMELYANOV. – М. : VES' MIR, 2019. – 256 p.**

Nikolay I. Grachev

Volgograd Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Citation. Grachev N.I. Review of the Book: Emelyanov, M. V. Tectonics of Power / M. V. Emelyanov. – М. : Ves' Mir, 2019. – 256 p. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 177-185. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.24>

УДК 321.01(049.32)
ББК 66.02я1

Дата поступления: 21.09.2020
Дата принятия: 14.10.2020

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЕМЕЛЬЯНОВ, М. В. ТЕКТОНИКА ВЛАСТИ
/ М. В. ЕМЕЛЬЯНОВ. – М. : ВЕСЬ МИР, 2019. – 256 с.**

Николай Иванович Грачев

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Цитирование. Грачев Н. И. Рецензия на книгу: Емельянов, М. В. Тектоника власти / М. В. Емельянов. – М. : Весь мир, 2019. – 256 с. // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 177–185. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.24>

В настоящее время земная цивилизация в организации своей жизнедеятельности столкнулась с серьезным системным кризисом, одним из проявлений которого является упадок национально-территориальной государственности и связанная с ним трансформация публичной власти, выражающаяся в отчуждении ее институтов от населения, потере сакральности, постепенной утрате своего верховенства и легитимности, что приводит к снижению степени управляемости обществом. Указанные процессы требуют разработки адекватной историческому периоду теории государства, его публичной власти и ее организационно-правовых форм, что предполагает переосмысление целого ряда, казалось бы, незыблемых парадигмальных конструкций.

Проблемы организации и эффективной деятельности публичной власти в Российской Федерации являются предметом оживленных дискуссий на протяжении последних десяти-

летий, причем разворачиваются они не только среди ученых-юристов или в политических кругах, но и в среде широкой общественности, являясь ярким примером того, что многие положения теории государства и конституционного права носят совсем не академический характер, а имеют прямой выход на социально-политическую практику в ее самых острых и злободневных проявлениях. Пандемия коронавируса обострила эти проблемы еще больше, заставляя кардинальным образом переоценить принципы, по которым функционирует современное государство.

В этой связи огромный интерес представляет недавно изданная монография депутата Государственной Думы II–VII созывов, кандидата юридических наук, заслуженного юриста Российской Федерации М.В. Емельянова «Тектоника власти». В ней автор, во-первых, пытается разрешить многие дискуссионные вопросы теории публичной власти; во-вторых, на ос-

нове собственного видения доктринальных путей их решения дает концептуальное обоснование конституционной реформы верховной власти в Российском государстве и, наконец, делает научно аргументированные предложения по ее практическому осуществлению.

Работа М.В. Емельянова носит в полной мере комплексный характер, соединяя в себе качества фундаментального теоретического исследования с одновременной экстраполяцией концептуальных выводов и практических предложений в сферу прикладной законотворческой и реальной политической деятельности. Она принадлежит к достаточно редким в последние годы трудам, объект и проблематика которых находятся на стыке целого ряда научных дисциплин: теории и истории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений, конституционного права и даже отчасти социологии и административного права. Это в полной мере междисциплинарный научный труд, а, как известно, лучшее решение теоретических и практических проблем находится на стыке смежных отраслей знаний. О комплексном характере рассматриваемой работы свидетельствует весьма широкий круг используемых источников, среди которых находятся научные публикации отечественных и зарубежных юристов-теоретиков и конституционалистов, российских и иностранных философов, социологов, политологов, историков и представителей других гуманитарных наук. Для иллюстрации теоретических положений и выводов автором привлекается богатый эмпирический и нормативный материал, представленный в работе конституционным законодательством различных стран и политической практикой, взятой в широком историческом контексте.

Основные достоинства работы М.В. Емельянова лежат в плоскости рассматриваемых им дискуссионных проблем теоретического и практического характера, связанных с установлением особенностей структуры и определением основных форм публичной власти в государственно организованном обществе, роли, организации, функций и полномочий верховной власти в различных странах, с целью определения ее оптимальной конструкции для российского государства, которая была бы способной обеспечить ему существование и

поступательное развитие на длительную историческую перспективу. Именно этой задаче подчинена структура работы, которая, на первый взгляд, не кажется оптимальной, но по мере погружения в материал и проникновения в авторский замысел начинает выглядеть все более логичной и соответствующей своей основной идее. Исходя из нее автор и «посчитал возможным использовать термин “тектоника” применительно к власти, так как именно он в наибольшей степени характеризует власть одновременно и как систему, и как процесс» (с. 9).

Структура работы невольно воспроизводит предложенный С. Льюксом способ анализа власти, «который в одно и то же время ценностный, теоретический и эмпирический» [3, с. 157]. Поэтому, несмотря на то, что во всех главах исследования присутствуют в полной мере все вышеуказанные аспекты, тесно между собою связанные и взаимно переплетенные, как это и бывает в реальной жизни, все-таки *первая глава* в большей степени является теоретической, *вторая* – прежде всего обосновывает собственные подходы автора к решению проблемы практической организации и функциям верховной власти в современной России, а *третья* – в основном посвящена политико-правовым ценностям, которые, по мнению ученого, должны находиться в основании организации публичной власти в нашей стране.

Первый параграф первой главы является определяющим в теоретическом обосновании авторской концепции структуры и сущности публичной власти как необходимого элемента общества, а также верховной власти как фактического носителя суверенитета государства. В этой главе, которая так и называется «Теоретические основания», ключевой концептуальной идеей автора является выделение в структуре публичной власти *Центра верховной власти (ЦВВ)*.

Следует отметить, что автор рассматривает публичную власть не совсем традиционно, относя к ней *наряду с государственной* и другие виды социальной власти – *духовную* и *финансово-экономическую*, считая их ее ипостасями (с. 20–22). И для этого у него имеются, на наш взгляд, веские основания. Не являясь по способам своего форми-

рования и формам деятельности публичными, они уже давно выполняют в обществе публичные функции, чего не хотят замечать представители юридической и политической наук, по сути дела игнорируя их рассмотрение в качестве таковых. Исследуя эти виды социальной власти, ученый аргументированно доказывает, что они всегда находятся в динамическом взаимодействии, в борьбе друг с другом за обладание всей ее полнотой, и это приводит к доминированию одной из них в общественной жизни. Сама же публичная власть всегда едина, обладает верховенством по отношению к другим, восходящим к ней, обеспечивая их синтез при внешне видимом разделении и независимости (с. 22–24).

Опираясь на работы по теории систем, автор приходит к выводу, что обеспечение единства власти в государстве предполагает наличие у него единого «центра верховной власти» (ЦВВ), координирующего функционирование ее различных ветвей (с. 24–25). Но в одних странах существуют такие модели организации публичной власти, где ее центр институционализирован и потому очевиден. В других – такой центр скрыт, явно себя не проявляет, более того, в странах западной демократии, в первую очередь в Великобритании и США, он «тщательно скрывается от общества» за формальным разграничением функций между законодательными, исполнительными и судебными органами (с. 25–29). На протяжении целого ряда страниц с привлечением трудов известных историков и политологов автор показывает, как в ходе естественного развития западной цивилизации, в процессе перехода от аграрного общества к индустриальному формировался скрытый ЦВВ в этих странах (с. 29–42). И как по мере развития демократических институтов, составляющих фасад политической системы государств Западной Европы и США, все большая часть реальной власти уводилась в «тень» и «действовала конспиративно», сращиваясь с закрытыми структурами, образуемыми узкой группой лиц, принадлежащих к финансово-промышленной олигархии, сосредоточившей контроль над экономикой. Зримым свидетельством наличия такого ЦВВ явилось создание Федеральной резервной системы (ФРС) США в 1913 г., деятельность которой

на протяжении всего последующего времени представляется одним из немногих видимых подтверждений «господства финансовой власти над государственной» (с. 36). Выступая формально как частное учреждение, контролируемое несколькими банкирскими семьями, ФРС осуществляет денежную эмиссию, финансовую, кредитную и валютную политику в Соединенных Штатах, что всегда было прерогативой верховной государственной власти. Поэтому, как справедливо указывает автор, «именно “хозяева” ФРС являются источником и носителем суверенитета США» (с. 37). При этом он не считает высшие государственные органы и их должностные лица в странах Запада элементами некоей политической декорации, но предлагает рассматривать их в контексте проведенной им *классификации уровней публичной власти*. Исходя из осуществляемых ими функций и характера принимаемых решений, автор выделяет *стратегический (верховный) и оперативный (управительный) уровни власти* в государстве. В противовес либеральной теории разделения властей по горизонтали М.В. Емельянов предлагает собственную модель разделения публичной власти по вертикали (с. 41–47), где президенты, парламенты и правительства осуществляют функции оперативного управления, тогда как «центр верховной власти решает стратегические задачи развития общества» (с. 41).

Эти тезисы тесно переплетаются с предложенной недавно рецензентом *концепцией деления публичного управления на политическое (верховное)*, осуществляемое верховной властью государства и заключающееся в принятии важнейших решений стратегического характера, *и административное (подчиненное)*, заключающееся в организации исполнения решений верховной власти [2]. Нам представляется весьма симптоматичным появление в настоящее время одинакового понимания стоящих перед обществом проблем политико-правового характера и похожего видения путей их решения у двух разных авторов, что, конечно же, не является простым совпадением или случайностью.

М.В. Емельянов не только выделяет стратегический уровень управления делами

общества, на котором находится ЦВВ, но утверждает и доказывает на исторических примерах, что *этот центр может находиться и вне структур государственной власти* и потому – быть не институализированным и действовать вне правового поля (с. 9–10, 36–40 и др.). Это в общем и делает его тайным и анонимным, прячущим за демократическим фасадом социальное господство достаточно узкой элитарной группы. Но это также означает, что ЦВВ может находиться и за пределами государства, которое в таком случае управляется извне. В настоящее время именно таким образом происходит функционирование подавляющего большинства формально суверенных государств. И задача как раз заключается в том, чтобы сконструировать в России такую систему публичной власти, центр которой был бы самостоятелен и независим от внешнего воздействия, в чем, собственно, и заключается лейтмотив монографии М.В. Емельянова.

Достаточно четко ученый определяет функции ЦВВ, выделяя среди них: концептуально-стратегическую, координирующую, идеологическую, контрольно-карающую, кадровую. Раскрытие содержания указанных функций позволяет автору показать их отличительные особенности по сравнению с направлениями деятельности оперативного сегмента публичной власти (с. 42–47). Именно их осуществление верховной властью делает государство суверенным фактически, а игнорирование или ненадлежащее выполнение ставит его в зависимость от других государств или международных организаций. Наиболее важной, «ключевой» функцией ЦВВ является первая из них, заключающаяся в формировании «проекта, концепции стратегического развития общества» (с. 43). Ее наличие и реализация в практической деятельности характеризует тот или иной социальный субъект как носителя концептуальной власти, выступающей в качестве высшего иерархического уровня в системе социального управления. Все остальные функции как верховной, так и оперативной власти нацелены на осуществление социально-политического проекта.

В тектонике властного пространства выделяется еще и третий, нижний уровень управления обществом – *сфера общественной саморегуляции*, субъекты которой (пред-

приниматели, некоммерческие организации, СМИ, культурные и научные организации, религиозные объединения и т. д.) прямо не подчинены ни верховной, ни оперативной власти и для которых высшие уровни устанавливают лишь общие правила, не вмешиваясь в их деятельность до тех пор, пока они действуют в установленных юридических рамках (с. 47).

Значительный теоретический интерес представляет собой и *второй параграф первой главы*, в котором аргументируется наличие единых для любого ЦВВ общих признаков, вне зависимости от разнообразных форм, которые он может принимать в государствах различной цивилизационной принадлежности. К ним автор относит: единственность и неделимость, суверенность, стратегичность, неизбираемость, надпартийность и нейтральность, безальтернативность (с. 48–59). В этом параграфе автор начинает постепенно высказывать ряд новых идей, связанных с критикой идеологических основ современной государственности и ее главных организационно-правовых институтов: либеральной демократии, народного суверенитета и разделения властей.

Качество моноцентричности верховной государственной власти и невозможности ее реального осуществления в парадигме господства принципов либерализма и разделения властей находят свое дальнейшее обоснование в *третьем параграфе первой главы*, где рассматриваются основные модели организации публичной власти современных государств, исходя из особенностей комбинации трех указанных выше уровней – верховной и оперативной власти и социальной саморегуляции (с. 60–82). Выделяя среди них англосаксонскую, европейскую (континентальную), коммунистическую, вождистскую и иранскую модели, рассматриваемые в сравнительном плане, основной критерий различия между ними ученый видит в степени публичности и правовой оформленности ЦВВ, в соответствии с которыми наиболее очевидными антиподами являются англосаксонская и иранская. Если в первой этот центр «абсолютно скрыт, не избираем, не публичен», никому не подконтролен, пребывает вне государственного аппарата и правового поля, находится в руках финансово-экономической олигархии, доминирующей над государственной и духовной влас-

тью (с. 60–65), то во второй – он выступает как не зависящая от населения, но юридически оформленная и полностью публичная государственная структура, принадлежащая шиитскому духовенству (с. 78–79). При этом «идеологи англосаксонской модели отвлекают внимание от порядка передачи по наследству верховной власти финансовыми олигархами» (которые уже давно сформировали собственные династические бизнес-империи [4, с. 194–228]), акцентируя внимание на демократических началах формирования государственных органов, которые на самом деле являются структурами оперативного управления. «Координирующее и направляющее воздействие ЦВВ на законодательные, исполнительные и судебные органы, а также СМИ категорически отрицается. В иранской же модели это воздействие публично и закреплено конституционно». Конституция Ирана «не скрывает внутриэлитного выбора» ЦВВ, формулируя принцип преемственности рахбара как верховного руководителя и духовного лидера, осуществляющего абсолютный контроль над президентом, меджлисом и судами (с. 79). И в этом контексте «нельзя не отметить, что иранское государство играет по более честным правилам, не боясь публично раскрывать механизмы власти, которые скрыты в западных странах» (с. 82).

Рассмотрение существующих моделей публичной власти необходимо автору в конечном итоге для лучшего понимания ее организации в нашей стране и нахождения ее оптимальной конструкции в условиях надвигающегося глобального кризиса. «Ключевой вопрос – место Президента РФ в тектонике публичной власти» (с. 85). Анализ его статуса в соотношении с правовым положением других составных элементов механизма публичной власти посвящены первые *два параграфа второй главы* работы (с. 83–120). Его важнейшим итогом стали достаточно аргументированные практические предложения по реорганизации верховной власти в России (с. 93–120). Их сущностная направленность состоит в выделении среди высших органов Российского государства такого, который взял бы на себя все функции, свойственные ЦВВ, в первую очередь – функцию концептуально-стратегического управления обществом, и в то же

время был бы освобожден от задач оперативного управления. Автор предлагает для нашей страны три варианта реконструкции ЦВВ, реализация любого из которых должна привести к отделению «по вертикали» верховной власти от оперативной, что позволит первой (верховой) укрепить свое положение, получив новые необходимые функции и полномочия, и освободиться «от излишних ограничений и неоправданных зависимостей от оперативных органов», вытекающих из закрепленного в Конституции РФ принципа ее разделения, сосредоточиться на ключевых стратегических вопросах управления государством и обществом, а второй (оперативной) – успешно решать текущие дела в соответствии с установленной ЦВВ стратегией на основе принципа «разделения властей» на данном уровне (с. 117–120). Все варианты реформы предполагают увеличение сроков пребывания ЦВВ на своем посту, изменение порядка его формирования и устранение зависимости этого порядка от населения и партий путем введения косвенных (многостепенных) выборов (с. 111–119). Кроме того, любой из трех предложенных вариантов приводит к доминированию верховной государственной власти в лице Президента РФ (первый вариант) или Председателя Государственного Совета РФ (второй и третий варианты) над духовной и экономической, что принципиально важно в российских условиях, где социально-экономическая и духовно-идеологическая сферы находятся в глубоком упадке.

Поэтому *третий и четвертый параграфы второй главы* посвящены проблемам восстановления гражданского общества и духовной жизни при решающей роли в *модерации* этих процессов со стороны ЦВВ (с. 121–178). Итогом такого моделирующего воздействия должно стать развитие общественной саморегуляции в идеологической и политической жизни российского общества и, как следствие, формирование базовых идеологических принципов, способных объединить нацию, с их закреплением в Конституции РФ (с. 156–157). Модерация ЦВВ политических процессов имеет своей ближайшей целью «создание двухпартийной системы из консервативной и социал-демократических партий», которую автор считает оптималь-

ной для современной России, поскольку именно она, по его мнению, «способна гарантировать преемственность и стабильность в стране» (с. 173). При этом *функция гаранта общественной идеологии и политической стабильности* должна быть конституционно закреплена за ЦВВ, какой бы орган им в конечном итоге не оказался, Президент РФ или Председатель Государственного Совета (с. 174).

По существу, М.В. Емельянов предлагает проект комплексной конституционной реформы, имеющей целью «изменение самих ценностных основ организации публичной власти» в России, поскольку «конституционное закрепление института верховной власти невозможно без переосмысления ее принципов» (с. 255). Исходя из этого *в третьей главе* работы автор подвергает ревизии «священные коровы» западной политической идеологии – принципы народного суверенитета и разделения властей (*параграфы первый и второй*). Проведя «проекции ценностного аспекта» указанных принципов на историческую и современную политическую практику, М.В. Емельянов показывает, что эти принципы давно превратились в мифы, представляющие собой в конституционно-правовом и практическом плане юридические фикции, никак не являясь панацеями против концентрации власти и возникновения диктаторских режимов, хотя именно такая роль отводилась им естественно-правовой теорией (с. 183–200, 201–230). Он достаточно аргументированно обосновывает необходимость закрепления в Конституции РФ в «полном объеме» принципа единства государственной власти (с. 199–200), признания принадлежности суверенитета исключительно государству, при определении в качестве его непосредственного носителя единоличного ЦВВ (с. 229), и указания в качестве источника суверенитета – не народа, а общества (с. 224–227). Само же сложившееся в западноевропейском правовом дискурсе понимание демократии автор рассматривает как «очередную утопию» идеологизированного либерального сознания (с. 218–224). Он ратует за реальные механизмы участия активных граждан в управлении делами общества на оперативном уровне осуществления власти и в сфере об-

щественной саморегуляции (с. 224–227). А вот в устройении верховной власти должны принимать участие только лишь элитные группы (с. 225), при условии элиминации из системы правящего слоя либерально-компрадорской группировки. «Получается, что различные сегменты общества генерируют различные уровни власти: элита – верховную власть, а остальная часть общества – оперативную» (с. 225).

Вопрос реорганизации системы публичной власти является для нашей страны в настоящее время не только основным, но и судьбоносным. И конечно, он не может быть решен «путем примитивной рецепции конституционно-правовых западных ценностей» (с. 231). Пути ответа на этот вызов можно найти, лишь опираясь на сложившиеся в самом российском обществе социокультурные основания, поискам которых посвящен *третий, последний параграф третьей главы*. По нашему мнению, несмотря на небольшой объем, он имеет важное теоретическое значение не только для юриспруденции, но и для других социальных наук. Плюсы предлагаемой для современного российского государства модели публичной власти автор, как политик и ученый, видит в сочетании «тенденций “модерна” и “архаики”, употребляя последний термин “отнюдь не в негативном смысле”» (с. 237). На институциональном уровне архаика проявляется в постоянно возрождающем себя единоличном центре верховной власти, а модерн – в развитии самостоятельности граждан. «В практике государственного строительства это должно проявиться в соединении сильной президентской власти как верховной и широкой вовлеченности граждан в формирование оперативной власти посредством свободных конкурентных выборов и других форм участия в управлении государственными и общественными делами» (с. 238–239). Именно необходимость адекватного соединения элементов архаики и модерна в организации верховной власти приводит автора к конструированию формы правления, которую он называет «сочетанной» (с. 242–243, 250), объединяющей в себе элементы единоличной власти главы государства, демократии и элитарности, описанную в общем виде евразийцем Н.Н. Алексеевым [1].

В данном контексте уделяется внимание праву, как ограничителю публичной власти, и суду, как гаранту его действенности в общественной жизни. Однако, чтобы писанное право могло выполнить эту роль, оно, как показывает автор, должно опираться в процессе образования и применения на доминирующие социокультурные факторы, а не привноситься извне, строясь на чуждых общественным сознанию и психологии принципах. «Ограничение власти – это социальный институт, а не исключительно нормативно-правовой». В политической практике чаще наблюдаются нравственно-культурные ограничители: традиции, обычаи, верования, нормы морали и т. д., которые вместе с правом «создают нормативно-ценностный социокультурный каркас», устанавливающий рамки поведения для носителей публичной власти (с. 235). Поэтому, решая задачу ее реформирования, необходимо «видеть диалектику взаимодействия архаики и модерна, когда первая предопределяет *сущность* государственно-правовых явлений, а вторая – *формы* их проявления» (с. 250). И задача теории и практики государственного строительства – отыскать оптимальные модели и алгоритмы таких форм.

Таким образом, М.В. Емельянов предлагает в своей работе вполне конкретный вариант модели организации публичной власти для современной России. Его предложения дают достаточно ясную и аргументированную концепцию конституционной реформы политической системы в нашей стране. Проникновение в суть и содержание авторских предложений делает понятным идейные истоки внесенных Президентом РФ январских поправок к Конституции РФ, хотя и не все из них были приняты том виде, в котором озвучивались.

Возвращение России на путь суверенного развития требует отказа от государственно-правовых шаблонов либерально-буржуазной идеологии, толкающих нашу страну в сторону зависимого компрадорского проекта, навязанного ей в начале 90-х гг. XX века. России нужен собственный проект построения и развития государства и общества. Поэтому работу политика и ученого М.В. Емельянова трудно переоценить. Она не только оригинальна по своему научному содержанию, актуальна по теоретическому потенциалу, но и весь-

ма своевременна в практически управленческом и политическом плане. Несмотря на относительно небольшой объем, монография чрезвычайно информативна, плотно заполнена интересными размышлениями, зрелыми идеями и предложениями. В ней практически отсутствуют смысловые пустоты. В дополнение к сказанному выше самого серьезного внимания в ней заслуживает: рассмотрение национальных интересов как правовой категории (с. 44-45, 51), стратегического планирования как функции верховной власти (с. 43, 104–108); анализ статуса Центрального банка РФ (с. 108–109), роли и значения общественной идеологии (с. 143–157); предложения по закреплению или изменению положения этих институтов в Конституции РФ.

Монография написана хорошим литературным языком и читается на одном дыхании. В ней автор демонстрирует не только свойственную ему глубокую эрудицию в различных отраслях гуманитарного знания, но и практическое знание и понимание реальных механизмов принятия решений на верхних этапах пирамиды государственной власти.

Разумеется, не все вопросы теории и практики организации публичной власти проработаны в монографии в достаточной степени. Ряд положений, высказанных автором, вызывают критические замечания и служат поводом для серьезной дискуссии.

Так, например, теоретически неочевидным является отнесение ЦВВ в Великобритании и США к публичной власти. Не подлежит сомнению наличие такого центра в этих странах, его тайный, полуконспиративный характер и нахождение в закрытых олигархических структурах. Но если он не является официальным, скрыт от общества, то, следовательно, он не может рассматриваться как уровень и вид публичной власти, поскольку традиционно публичной считается власть, не только выполняющая общественно значимые функции, но и юридически оформленная. В этом, на наш взгляд, и состоит проблема современной мировой политики, что на глобальный суверенитет претендует совершенно не публичный, скрытый от общества субъект с очевидно антигуманными целями, но прикрывающий свою деятельность броскими либеральными лозунгами. Впрочем, в ряде случаев (с. 29,

31, 224) автор как бы и сам сомневается в публичном характере закрытых структур власти в странах Запада.

Несмотря на то что мы в целом поддерживаем идею конституционного закрепления ЦВВ, сомнительно, чтобы один человек – Президент или Председатель Госсовета – смог фактически выполнять все его функции. Разумеется, формально юридически закрепить их за ним возможно. Однако полагаем, что при решающей роли главы государства ответственность с ним за реализацию функций верховной власти все-таки должны делить, как минимум, Государственный Совет (при втором и третьем вариантах предложенной автором реформы) и/или Федеральное Собрание. Следует иметь в виду, что вопрос практического формирования Центра верховной власти в России – это на самом деле проблема создания реально работающего и национально ориентированного правящего слоя, то есть окружения верховного правителя, той самой «свиты», которая и делает «короля». В свою очередь, эта проблема упирается в другую – связанную с наличием и правовым закреплением адекватных принципов и правил отбора правящего слоя и его ротации. На нежелании ее решать «свернули шею» многие государственные режимы. Сегодня же вполне очевидно, что современная политическая и административная элита России, а также хозяйственная, научная и культурная начинают превращаться в замкнутые сословия, что ведет к застою во всех сферах жизнедеятельности общества и ставит вопрос о необходимости их обновления.

С проблемой ротации политической элиты тесно связана тема повышения роли и значения в государственном механизме палат Федерального Собрания, которая по большому счету осталась на периферии внимания автора. При этом совершенно ясно, что при существующем порядке их формирования и той практике строительства политических партий и других самостоятельных институтов, которая сложилась в последние десятилетия, реальная необходимость в существовании Парламента и представительных органов в регионах и на местах будет все больше ослабевать, а находящиеся у власти в России

элитные группы будут продолжать терять легитимность. Мы абсолютно согласны с автором в том, что верховная власть должна направлять процессы организации и деятельности общественных объединений, руководить ими. Кстати, нам не очень нравится термин «модерация» (от лат. *moderor* – умеряю, сдерживаю) применительно к таким процессам, употребляемый автором. Это полисемичное понятие, применяемое в значении “посредничество, обеспечение взаимодействия, приведение в равновесие, управление, регулирование”. И какое значение имеет в виду автор – не совсем понятно. Но в любом случае направляющее воздействие ЦВВ на эти процессы должно обеспечивать: необходимую ротацию управленческих кадров; отбор во власть наиболее достойных, как по своим моральным, так и профессиональным качествам, лиц; социальные лифты для молодежи при одновременном позитивном воспитательном воздействии на нее. Это означает, что прежде всего правящая элита должна научиться модерировать себя саму, иначе падение роли представительных учреждений и полное отсутствие обратной связи в управлении общественной жизнью неизбежны. К чему это может привести, мы уже видели на примере Украины, да, пожалуй, и Беларуси тоже.

Указанные замечания вряд ли можно рассматривать как недостатки. Во-первых, все они, без сомнения, носят дискуссионный характер и ими полемика далеко не исчерпывается. Но то, что работа М.В. Емельянова будит и будоражит читательскую мысль, можно также отнести к ее достоинствам. Во-вторых, задачи, которые поставил перед собой автор, не могут быть решены в одной монографии и одним, даже самым талантливым, ученым и политиком. Поэтому упрекать автора в том, что он что-то недоделал или недоисследовал, – наверное, не очень корректно. Просто работа, в указанном М.В. Емельяновым направлении, должна быть продолжена как им самим, так и другими правоведами. Автор наметил в ней путь, которым только и может идти ученый-патриот, думающий о судьбе Родины, выступив в своем исследовании не почвенником и не западником, не консерватором и не ли-

бералом, а сделав попытку выбрать из отечественной и зарубежной научной мысли, политико-правовой практики, собственных представлений и убеждений все то, что может послужить насущным задачам созидательного строительства российской государственности и, возможно, обеспечит ее существование на длительную перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, Н. Н. О гарантийном государстве / Н. Н. Алексеев // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М. : Аграф, 1998. – С. 372–385.
2. Грачев, Н. И. Основные функции государства, верховной власти и государственного аппарата: критерии разграничения и политико-правовое содержание / Н. И. Грачев // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Т. 6, № 2 (19). – С. 140–149.
3. Льюкс, С. Власть: Радикальный взгляд / С. Льюкс. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 240 с.

4. Павленко, В. Б. Глобальная олигархия. Клань в мировой политике: история и современность / В. Б. Павленко. – М. : ОГИ, 2015. – 718 с.

REFERENCES

1. Alekseev N.N. O garantijnom gosudarstve [On the Guarantee State]. *Alekseev N.N. Russkij narod i gosudarstvo* [Russian People and the State]. Moscow, Agraf, 1998, pp. 372-385.
2. Grachev N.I. Osnovnye funkicii gosudarstva, verhovnoj vlasti i gosudarstvennogo apparata: kriterii razgranicheniya i politiko-pravovoe sodержanie [The main functions of the state, the supreme power and the state apparatus: criteria of differentiation and political and legal content]. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij* [Russian Journal of Legal Studies], 2019, vol. 6, no. 2 (19), pp. 140-149.
3. Lewis S. *Vlast': Radikal'nyj vzglyad* [Power: A Radical View]. Moscow, Izd. dom Gos. un-ta Vysšej shkoly ekonomiki, 2010. 240 p.
4. Pavlenko V.B. *Global'naya oligarhiya. Klany v mirovoj politike: istoriya i sovremennost'* [Global Oligarchy. Clans in World Politics: History and Modernity]. Moscow, OGI, 2015. 718 p.

Information About the Author

Nikolay I. Grachev, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5977-0403>

Информация об авторе

Николай Иванович Грачев, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5977-0403>